

большинстве случаев схожи с орнаментикой неманской керамики, хотя появляются и мотивы шнуровой культуры и налепные валики.

Волна переселенцев, достигших побережья Балтийского моря и образовавших здесь так наз. приморскую, или жуцевскую, культуру, принесла с собой приобретенный по пути кремневый (и, вероятно, костяной) инвентарь неманской культуры, который в раннем и развитом неолите на побережье не был известен. Напр., в поселениях со шнуровой керамикой (Швянтойи IA, 41 и др.) в области нарвской культуры встречаются те же типы кремневого инвентаря, которые были в южной Литве и Белоруссии в раннем и развитом неолите и совсем не известны в области распространения нарвской культуры: ланцетовидные, трапециевидные и даже подвидерские наконечники стрел, резцы, лезвия для стамесок, овальные топорики и пр., но в орнаментике керамики наблюдаются мотивы исключительно шнуровой керамики и весь ассортимент типов горшков лишь с некоторыми элементами типов нарвской культуры.

Таким образом, неманская культура растворилась в культуре шнуровой керамики, образуя в раннем бронзовом веке очень разные типы, которые в дальнейшем преобразовались в культуру штрихованной керамики. Неизвестно, каким конкретно образом произошло слияние этих культур. Пока нет достоверных критериев, по которым могли бы определить, когда имеем дело с уничтожением древней культуры (и населения) и когда — со слиянием двух культур. По этнографическим наблюдениям принято считать, что если пришельцы принимают местный образ жизни (в данном случае — присваивающее хозяйство), то происходит слияние двух культур. Именно с таким случаем имеем дело в основном ареале распространения неманской культуры, хотя конкретные условия этого явления остаются для нас еще далеко не ясными.

Это слияние произошло еще на уровне общеевропейского горизонта. То, что приморская (жуцевская) культура со своими восточно-балтийскими вариантами выделилась из общеевропейского ствола и стала древнебалтской культурой, безусловно, определил местный субстрат — неманская культура. Но насколько сменился этнический состав представителей шнуровой культуры и как это нашло отражение в их речи, пока невозможно сказать. Можно лишь предполагать, что они в какой-то мере были родственны между собой, близкого антропологического типа, говорили на близких диалектах, иначе слияние не могло бы произойти так быстро.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина Н. Н. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии. — МИА, 1965, № 131.
2. Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР. — МИА, 1967, № 144.
3. Римантене Р. К. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. — В кн.: ДБ. Минск, 1966.

4. Чарнаускі М. М. Неоліт Беларускага Памямоння. — Мінск: Навука і тэхніка, 1979.
5. Гирииникас А. Связи неолитических нарвской и неманской культур в Восточной Литве. — В кн.: ПЭБ. Вильнюс, 1981.
6. Тимофеев В. И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Л.: ЛОИА АН СССР, 1980.
7. Gardawski A. Zagadnienie kultury „ceramiki grzebykowej” w Polsce. — WA, 1958, Nr. 25.
8. Wislanski T. Krąg ludów subneolitycznych w Polsce. — In.: Prahistoria ziem Polskich. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Ossolineum, 1979, t. 2.
9. Телегин Д. Я. Дніпро-Донецка культура. — Київ: Наукова думка, 1968.

DIE ROLLE DER NEMUNAS-KULTUR BEI DER ENTSTEHUNG DER BALTEN

R. Rimantienė

Zusammenfassung

Die neolithische Nemunas-Kultur trug lokalen Charakter. Sie verbreitete sich seit dem 4. Jahrtausend v. u. Z. im Becken des Nemunas-Oberlaufs, im Süden bis zum Pripiat und im Westen bis zur Weichsel (Abb. 1). Im Norden reichte sie bis an das Gebiet der Narva-Kultur. Charakteristisch sind die Spitzbodengefäße (seit dem Mittelneolithikum erscheinen auch schon Plattbodengefäße), spärlich ornamentiert, mit pflanzlicher Beimischung in der Tonmasse (Abb. 2:1–6). Bis zum Spätneolithikum wurde die Entwicklung dieser Kultur fast gar nicht von anderen Kulturen beeinflusst. Mit dem Erscheinen der Träger der Schnurkeramik auf dem Niveau des gemeineuropäischen Horizontes im Baltikum verlief die Entwicklung der Nemunas-Kultur in sehr unterschiedlichen Richtungen. Obwohl im Flintinventar sämtlicher Denkmäler alle alten Formen der Artefakte, mit den neuerschienenen vermischt, erhalten sind, ist die Keramik jedoch sehr verschieden. In einigen Siedlungen, wie z. B. im Wald Barzdis (Abb. 2:5, 6, 27–36), hat sie den reinen späten Typ und die Ornamentik der späten Nemunas-Kultur bewahrt, in anderen hingegen, wie z. B. in Lynupis, erscheint neben den alten Ornamenten auch das reine Schnurornament. Es wäre anzunehmen, dass die neu angewanderten Schnurkeramiker im Gebiet der Nemunas-Kultur die hier seit alters ansässigen Europiden vorfanden (darauf deuten die wenn auch spärlichen anthropologischen Daten), die ihnen im Dialekt verwandt waren. Sie übernahmen von ihnen die Wirtschaftsform und verschmolzen mit ihnen. Die baltische Schnurkeramikultur (Haffküstenkultur) hob sich aus dem gemein-europäischen Horizont durch diejenigen Züge hervor, die sie aus dem lokalen Substrat der Nemunas-Kultur angeeignet hatte, und die sie weiter nach Norden in das südliche und südwestliche Gebiet der Narva-Kultur übertrug.

НАРВСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

И. Лозе (Рига)

Одной из наиболее изученных культур неолита на территории Восточной Прибалтики следует считать нарвскую, которой посвящен ряд монографий [1–3]. Начало ее изучения связано с именами археологов Н. Н. Гуриной и Л. Ю. Янитса [4, с. 153–175; 5, с. 122–127]. Сам факт наличия нарвской культуры был установлен Л. Ю. Янитсом при исследовании поселения Кяэпа в юго-восточной Эстонии [6, S. 2–25]. Нарв-

ская культура была выявлена Ф. А. Загорским [7, с. 8, 9, 12–16] и на территории восточной Латвии, в частности на Лубанской низине (поселение Оса). Дополнительные данные об этой культуре получены при исследовании поселений Звейсалас [8, л. 53–64] и Звидзе [9, S. 183–190]. Существенный вклад в изучение нарвской культуры внесено также исследованиями Л. В. Ванкиной поселения Сарнате на западе Латвии [2] и Р. К. Римантене поселений Швянтойи на северо-западе Литвы [3].

Выделены три варианта (рис. 1): северный [10, 11] — поселения Нарва–Рийгикюла I и III, Нарва-город, Акали, Кяэпа, северо-восточный [4–6] — поселения Лубанской низины и юго-западный [2, 3] — поселения Сарнате и Швянтойи. Основой выделения этих вариантов стала керамика — основной и наиболее массовый материал поселений нарвской культуры.

Значительный интерес для сопоставления отдельных вариантов нарвской культуры представляет их относительная и абсолютная хронология.

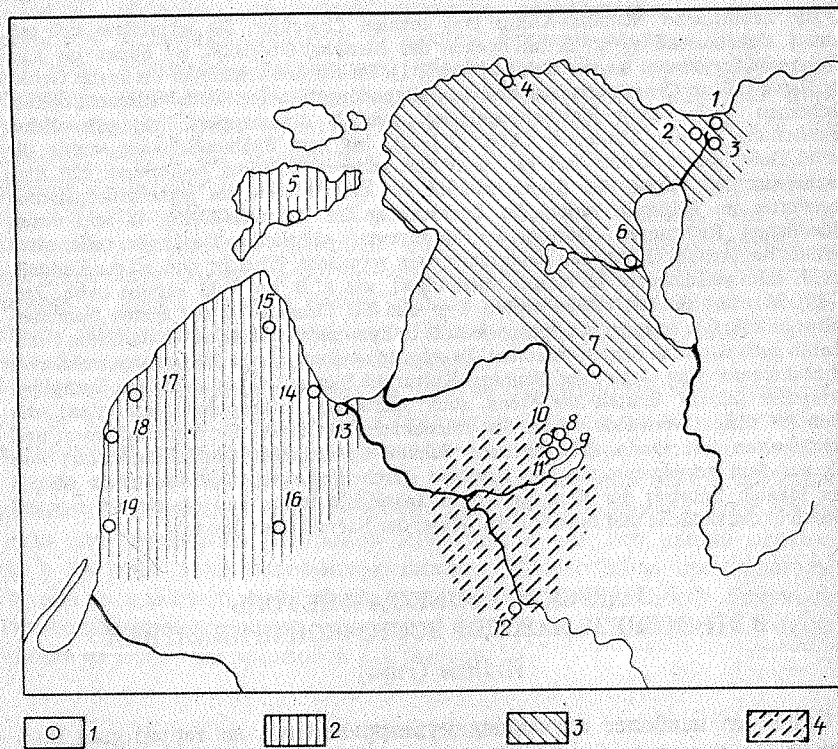

Рис. 1. Распространение поселений: 1, 2 — Нарва–Рийгикюла I, III; 3 — Нарва; 4 — Крооди; 5 — Конну; 6 — Акали; 7 — Кяэпа; 8 — Оса; 9 — Ича; 10 — Звидзе; 11 — Звейсалас; 12 — Двиете; 13 — Ромми–Калнини; 14 — Силиньупе; 15 — Пурциемс; 16 — Леясцискас; 17 — Сарнате; 18 — Павилоста; 19 — Швянтойи. 1 — поселения; 2 — западный; 3 — северный; 4 — северо-восточный варианты

Наиболее ранние даты для этой культуры получены в результате изучения памятников Лубанской низины (Оса), где, судя по всему комплексу изделий и керамики, заселение происходило в начале IV тысячелетия до н. э. Даты, полученные радиоуглеродными методами, позволяют отнести существование этого поселения к раннеолитическому времени: по ЛЕ-961 — 5880 ± 80 (3830 ± 80 до н. э.), по ЛЕ-850 — 5730 ± 50 (3680 ± 50 до н. э.). Конечный этап заселения памятников в раннем неолите на территории Лубанской низины, по-видимому, следует связать с поселением Звейсалас, для которого была получена дата: ТА-395 — 4905 ± 70 (2955 ± 70 до н. э.). Сходная дата получена и для поселения Кяэпа: ТА-5 — 4865 ± 235 (2915 ± 235 до н. э.), но вторая дата более поздняя: ТА-4 — 4350 ± 230 (2400 ± 220 до н. э.).

Поселения Сарнате и Швянтойи 1Б и 2Б относятся к более позднему времени. Полученные даты позволяют время существования поселения Сарнате отнести к ТА-26 4700 ± 250 (2650 ± 250 до н. э.), по В1n-769 4639 ± 100 (2669 ± 100 до н. э.), а на поселениях Швянтойи 1Б и 2Б: LI-2528 4640 ± 60 (2690 ± 60 до н. э.), по ТА-247 4400 ± 90 (2450 ± 90 до н. э.).

Таким образом, ранняя нарвская культура на территории Восточной Прибалтики представлена двумя хронологическими этапами:

I этап: 5880 ± 80 (3830 ± 80 до н. э.) — 4905 ± 70 (2955 ± 70 до н. э.)

II этап: 4700 ± 250 (2650 ± 250 до н. э.) — 4400 ± 50 (2450 ± 50 до н. э.).

Несмотря на значительные достижения в изучении нарвской культуры, все же вопрос об ее этносе с археологической точки зрения еще недостаточно освещен в специальной литературе. Высказаны лишь отдельные гипотезы. Так, Н. Н. Гурина допускает предположение о роли нарвской культуры как субстрата, участвовавшего в создании населения прибалтийско-финского происхождения [1, с. 196]. Она высказала предположение о некоторой роли носителей нарвской культуры как одного из компонентов создания современных балтов. Р. К. Римантене придерживается мнения, согласно которому носители нарвской культуры составляли важный субстрат в образовании балтийских народов [3, р. 172].

При попытке установления этноса особое внимание уделено мотивам орнамента сосудов, которые приравниваются к этническому признаку. При изучении орнамента керамики выявлено наличие нескольких десятков мотивов для керамики нарвской культуры в целом, а также для каждого варианта в отдельности (рис. 2). Для северного варианта характерно наличие мотивов орнаментов из гребенчатых оттисков, ямочных вдавлений, насечек и нарезок. Для северо-восточного варианта свойственны все вышеуказанные виды орнамента, однако здесь присутствует также и накольчатый, или точечный, орнамент. Для юго-западного варианта обычны накольчатые узоры, а также узоры из ямок, насечек, нарезок, зубчатого штампа, перевитого шнура и узелков.

Подробное изучение керамики трех вариантов этой культуры выявило (рис. 2), с одной стороны, наиболее яркие сходные элементы в северо-восточном и южном вариантах (накольчатый, или точечный, орнамент,

Варианты Нарвской культуры				
Северный				
Гребенчатый				
Накольчатый				
Ямочный				
Насечки				
Нарезной				
Зубчатый				
Перебитый шнур				
Узелковый				

Рис. 2. Основные мотивы орнамента на поверхности керамики нарвской культуры

ямки, насечки, нарезки), а с другой — в северо-восточном и северном вариантах (гребенчатые оттиски, ямки, насечки, нарезки). Это указывает на сравнительную сложность структуры нарвской культуры. Подробный анализ орнаментальных мотивов керамики всех вариантов нарвской культуры позволяет выделить две их группы, которые частично перекрываются на территории распространения северо-восточного варианта, т. е. в Лубанской низине (рис. 2). В первую из них входят мотивы орнамента с гребенчатыми оттисками, в том числе дугообразными и зигзагообразными, образующими мотив так наз. шагающей гребенки, а также мотивы из ямок, насечек, нарезок, нарезных линий. Эта группа мотивов характерна для северного и северо-восточного вариантов нарвской культуры, причем мотив шагающей гребенки типичен лишь для северного варианта. Во вторую группу орнаментальных мотивов входят накольчатые или точечные узоры, а также свойственные и первой группе мотивы из ямок, нарезок, насечек и нарезных линий. Эти мотивы орнамента на поверхности керамики характерны для юго-западного варианта нарвской культуры. Однако накольчатые мотивы орнамента типичны и для северо-восточного варианта (также как и ямки, насечки, нарезки и нарезные линии). Это позволяет считать, что именно накольчатые мотивы орнамента являются общими для южного и северо-восточного вариантов нарвской культуры и совершенно не свойственны северному.

При изучении и систематизации мотивов орнамента раннеолитической керамики особое место отводится гребенчатым оттискам, которые, по мнению крупнейшего специалиста в области изучения орнамента сибирских народов С. Иванова, наносились на поверхность сосудов финно-угорским населением [12, с. 124—127, рис. 1]. Исследователь полагает, что гребенчатые оттиски на изготовленных из бересты сосудах Западной Сибири, Зауралья, Среднего Поволжья и Северо-Восточной Европы представляют собой реликтовую разновидность этого способа орнаментации, имеющего тысячелетнюю историю. Наличие в составе раннеолитической керамики узоров из гребенчатых оттисков на севере и востоке ареала этой культуры, а также отсутствие их в южном варианте указывает на неодинаковый характер этнического состава этой культуры. По-видимому, нарвская культура в этническом плане представляет довольно сложное явление. Скорее всего следует предполагать, что северный и северо-восточный варианты были представлены смешанным этносом, а юго-западный отличался самостоятельностью; причем именно на востоке Латвии смешение этого этноса было наиболее ярко выражено.

Нельзя не учитывать, что нарвская культура является первой, но не последней, имеющей местное происхождение, культурой в развитии керамики Восточной Прибалтики с примесью ракушек и органических остатков. Именно поэтому ее следует рассматривать в совокупности с последующими культурами. Для этой цели также следует использовать орнамент керамики, которому, как уже говорилось, согласно установившейся традиции, в советской этнографической и

археологической науке придается значение этнического признака [13, с. 64–77].

Узоры средненеолитической пористой керамики, возникшей при участии нарвской керамики [7, с. 18], сохраняют ряд мотивов, характерных для этого вида керамики, но вместе с тем располагают более богатым набором орнаментальных мотивов. К первым следует причислить мотивы орнаментов, скомпонованных из оттисков гребенчатого штампа или нарезок, уложенных прямо, косо или в переменном направлении вокруг горла сосуда, а также из горизонтально расположенных оттисков гребенки или состоящих из треугольников, расположенных вниз вершиной (рис. 3). Другие мотивы, как напр., зигзагообразные полосы или фигурки четырех- и шестиугольников, а также гообразные полосы или фигурки четырех- и шестиугольников, а также состоящих из оттисков гребенчатого штампа или нарезок, столь характерных для средненеолитической пористой керамики, нельзя найти на поверхности нарвской керамики. К подобным мотивам следует причислить также орнаменты из перекрещивающихся нарезных линий.

Этапы развития культуры	Гребенчатый	Нарезной	Ямочный	Насечки
Ранне-неолитический (Нарвская культура)				
Средне-неолитический				
Поздне-неолитический				

Рис. 3. Преемственность в применении орнаментальных мотивов на поверхности эвидзенской керамики восточной Латвии

Преемственность наблюдается и в подборе орнаментальных мотивов из ямок и насечек, расположенных несколькими рядами вокруг горловины сосуда (рис. 3).

Узоры поздненеолитической пористой керамики близки к средне-неолитическим, но сохраняют ряд черт, позволяющих сопоставить их с узорами ранне-неолитической керамики нарвской культуры. Эта общность узоров видна в подборе орнаментальных мотивов из расположенных вокруг горловины сосудов косо, прямо или в переменном направлении оттисков гребенчатого штампа или нарезок, а также в применении узоров из удлиненных горизонтально расположенных гребенчатых оттисков, опоясывающих тулово сосудов, фигур ромбов, сетки перекрещивающихся нарезных линий (рис. 3). Некоторая общность наблюдается и в применении орнаментальных мотивов из ямок и насечек, образующих несколько рядов вокруг шейки сосудов. По существу в поздне-неолитической керамике нет орнаментальных мотивов, ранее не наблюдававшихся при ориентации керамики как среднего, так и раннего неолита [14, рис. 59–61, 63].

В результате изучения орнаментальных мотивов ранней, средней и поздней групп керамики установлено, что пористая керамика восточно-латвийского типа, восходящая к нарвской на северо-востоке и севере ареала распространения нарвской культуры, прошла весьма сложный путь развития, но тем не менее сохранила ряд черт в орнаментации, общих для всех трех групп керамики, выражающихся в наличии наиболее простых узоров из гребенчатых оттисков, нарезных линий, ямок и насечек (рис. 3).

Необходимо учесть также, что на орнаментацию средне-неолитической пористой керамики определенное влияние оказала орнаментация гребенчато-ямочной керамики. Особенно ярко это проявляется в наличии орнаментальных мотивов из чередующихся полос гребенчатых оттисков и мелких ямок (рис. 4). Судя по использованному материалу, в пористой керамике явно переняты основные мотивы орнамента гребенчато-ямочной керамики, выражающиеся не только в чередовании полос прямо, косо или в переменном направлении расположенных гребенчатых оттисков и ямок, но и в более сложных узорах, состоящих из зигзагообразных или перекрещивающихся линий, а также неоконтурных фигур ромбов.

Совершенно иной путь развития нарвская культура прошла на юго-западе ареала, где отсутствовала культура гребенчато-ямочной керамики. Это можно проследить на характере орнаментальных мотивов, которые становятся беднее по сравнению с ранним этапом [3, рис. 99, 112, 116].

Так как носители культуры гребенчато-ямочной керамики были далекими предками прибалтийско-финского населения [15, с. 159], следует отметить, что это сыграло немаловажную роль в развитии последующих культур в северо-восточной и северной частях Восточной Прибалтики.

Выявление роли культуры гребенчато-ямочной керамики в судьбах населения культуры пористой керамики указывает на постепенное

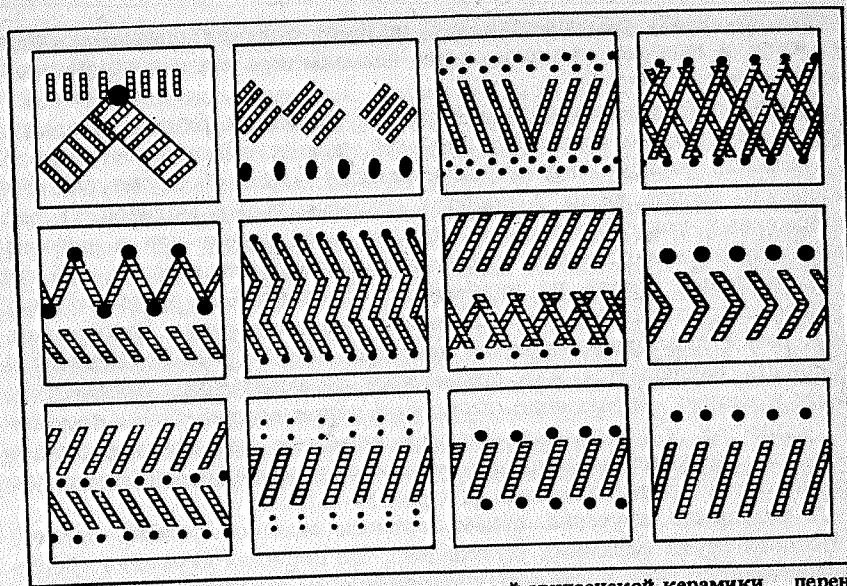

Рис. 4. Мотивы орнамента средне- и поздне-неолитической эвидзенской керамики, перенятые от гребенчато-ямочной керамики

нивелирование пришлых элементов. Это выражается в наличии орнамента средне- и поздне-неолитической керамики, где удельный вес орнаментальных композиций, перенятых от гребенчато-ямочной керамики и состоящих из оттисков гребенчатого штампа и ямок, постепенно уменьшается [16, с. 22].

С другой стороны, уточнение роли культуры шнуровой керамики в этнических процессах Восточной Прибалтики указывает на ее более значительную роль на юго-западе ареала нарвской культуры [17], где встречаются ее поселения с чистым комплексом керамики по сравнению с северо-восточным и северным вариантами, где эта культура представлена лишь на поселениях со смешанным керамическим материалом [14, с. 93–100]. По-видимому, это указывает на то, что дальнейшие судьбы населения нарвской культуры Восточной Прибалтики в разных частях занимаемой ею территории были неодинаковыми.

Таким образом, на этнической карте изучаемой территории эпохи неолита рисуется следующая этнокультурная картина. В ранний период эту территорию заселяли носители нарвской культуры с тремя локальными вариантами: северным, северо-восточным и юго-западным. Средне-неолитическая культура пористой керамики на севере и северо-востоке возникла при некотором влиянии со стороны пришлой культуры гребенчато-ямочной керамики [14, с. 131, рис. 60]. Этнокультурная карта населения этой территории резко меняется при появлении носителей культуры шнуровой керамики, которая полностью поглотила местное население на юге и вошла в контакт также с местным поздне-неолитическим населением на северо-востоке и севере.

Следовательно, дальнейшие судьбы местного населения в разных частях Восточной Прибалтики решались разными путями. Если принять во внимание тот факт, что носители культуры шнуровой керамики археологами отождествлялись с протобалтским населением [3, р. 172], а носители культуры гребенчато-ямочной керамики с индоевропейскими, возможно, отдаленными предками прибалтийско-финского населения [15, с. 159], то закономерно возникает вопрос, с каким же пластом населения следует связывать ранне-неолитическую нарвскую культуру?

По-видимому, все же следует считать, что этнос этой культуры был неоднородным, так как на это указывает структура орнаментальных мотивов керамики. На неоднородность этнического состава этой культуры указывают и антропологи, выделяющие два антропологических типа: резко долихокранный (гипердолихокранный) и мезокранный со слабо профилированным в горизонтальном направлении лицом [18, с. 45–63]. Лишь на юго-западе изучаемой территории (поселение Швянтойи) этнос нарвской культуры отличается самостоятельностью и однородностью [3, р. 172].

Нарвская культура отражает сложную этническую структуру, образуя некую основу, к которой, по-видимому, восходят древнейшие истоки восточноприбалтийских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР. — МИА, 1967, № 144.
2. Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнате. — Рига: Зинатне, 1970.
3. Rimantienė R. Šventoji, Narvos kultūros gyvenvietės. — V.: Mokslas, 1979, t. 1.
4. Гурина Н. Н. Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии. — In: Muistsed asulad ja linnused. Tallinn: Eesti riiklik Kirjastus, 1955.
5. Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье реки Эмайги. — Таллин: Изд-во АН ЭССР, 1959.
6. Jaanits L. Die frühneolithische Kultur in Estland. — In: Congressus secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki, 23–28. VIII 1965. Pars II.
7. Загорский Ф. А. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1967.
8. Loze I. Agrais neolīts Zvejvalās. — LZAV, 1975, Nr. 8.
9. Loze I. Spätmesolithikum und Frühneolithikum in Lettland. — Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. 14/15. — Berlin, 1981.
10. Zagorskis F. Agrais neolita laikmets Latvijas austrumdaļā. — LZAV, 1973, Nr. 4(319).
11. Jaanits L., Jaanits K. Über die Kontinuität der Bevölkerung und Kultur der Steinzeit in Estland. — In: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 20–27. VIII 1980. Pars IV.
12. Иванов С. В. Традиционное искусство финно-угорских народов. — In: Congressus Quartus Internationalis Finno-Ugristarum Budapestini habitus Anno 1975. Budapest, 1975. Pars I.
13. Фосс М. Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР. — МИА, 1952, № 29.
14. Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. — Рига: Зинатне, 1979.
15. Янитс Л. Ю. К вопросу об этнической принадлежности неолитического насе-

ления территории Эстонской ССР. — В кн.: ВЭИ. Галлин: Эстонское государственное изд-во, 1955.

16. Лозе И. А. Взаимоотношение балтских и прибалтийско-финских культур на территории Латвии в эпоху неолита. — В кн.: Проблемы этнической истории балтов (тезисы конференции). Рига: Зинатне, 1977.
17. Rimantiņē R. Šventoji. Pamariņu kultūros gyvenvietēs. — V.: Moksas, 1980, t. 2.
18. Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. — Рига: Зинатне, 1975.

DIE NARVA-KULTUREN UND IHRE ROLLE BEI DER ETHNOGENESE DER VÖLKER DES BALTIKUMS

I. Lose

Zusammenfassung

Die frühneolithische Narva-Kultur stellt für den Forscher, der sich mit Fragen der Ethnogenese der Völker des Ostbaltikums beschäftigt, eine sehr interessante Erscheinung dar. Die Anfänge dieser Kultur wurzeln im Spätmesolithikum.

In der Narva-Kultur sind drei lokale Varianten — eine nördliche, eine nordöstliche und eine südwestliche zu unterscheiden, deren jede ihre Besonderheiten aufweisen. Dieselben äussern sich im Gebrauch unterschiedlich geformter Knochen- und Horngeräte sowie in spezifischen Formen und Ornamenten der Keramik.

Die Vermutung liegt nahe, dass das Ethnos der Narva-Kultur mehrere Komponenten umfasste, die die Struktur der Ornamentmotive der Keramik beeinflussten (Abb. 2).

Es lassen sich zwei Gruppen von Ornamentmotiven unterscheiden, deren Verbreitungsgebiete sich im Areal der nordöstlichen Variante der Narva-Kultur teilweise überschneiden. Dieser Umstand ist entsprechend der in der sowjetischen Ethnographie und Archäologie bestehenden Auffassung, die dem Ornament eine ethnische Bedeutung beimisst, als ein Hinweis darauf zu betrachten, dass die Narva-Kultur einen ethnisch gemischten Charakter trug. Es ist überaus möglich, dass eine der Komponenten der Narva-Kultur eben dasjenige Bevölkerungselement darstellte, im dem die älteste protobaltische Bevölkerung ihren Ursprung hatte. Ethnisch einheitlich war augenscheinlich nur die südwestliche Variante dieser Kultur, während die Bevölkerung der übrigen Territorien gemischt war und unter dem Einschluss einer Komponente stand, die vermutlich mit den entferntesten Vorfahren der Ostseefinnen identisch war. Insofern ist die Narva-Kultur als eine ethnisch komplizierte Struktur zu betrachten; gewissermassen als eine Basis, in der möglicherweise der Ursprung mehrerer Völker des Ostbaltikums zu suchen ist.

ДНЕПРОВСКИЕ БАЛТЫ

В. В. Седов (Москва)

Прибалтийская языковая общность, судя по данным современной науки, относится в основном ко II тысячелетию до н. э. Как свидетельствуют диалектологические материалы, к середине I тысячелетия до н. э. общебалтийский язык дифференцировался на ряд диалектных групп [1, р. 5–7]. Об этом же говорят и данные археологии: в начале железного века, который в лесной полосе Восточной Европы относится к VII в. до н. э., культурного единства балтских племен, заселявших в это время обширные пространства от юго-восточного побережья Балтийского моря на западе до верховьев Оки и среднего течения Днепра на юго-востоке, уже не существовало.

Одну из древних диалектно-племенных группировок балтов составляли племена, занимавшие области Верхнего Поднепровья со смежными территориями Западнодвинского и Окского бассейнов. По географическому положению они именуются днепровскими балтами. Язык их не дошел до нашего времени. В раннем средневековье в ареале днепровских балтов расселились славянские племена. В результате длительного проживания славян и балтов на одной территории последние были постепенно славянизированы и вошли в состав древнерусской народности [2, с. 77–161].

Балтское население Поднепровья оставило мощный пласт в гидронимии региона. Попытки диалектной характеристики и дифференциации балтской гидронимии Поднепровья, предпринимаемые исследователями, пока не дали положительных результатов. Так, В. Н. Топоров и О. Н. Трубочев в этой связи ограничились выделением некоторых изоглосс [3, с. 236–241]. Сопоставление их с археологическими ареалами раннего железного века позволяет говорить лишь о большей или меньшей концентрации водных названий того или иного типа в пределах той или другой археологической культуры. Вместе с тем, те же типы гидронимов оказываются и далеко за пределами археологических культур, на территории которых они концентрируются [2, с. 24, 25, 30, рис. 8].

Вероятно, это обусловлено тем, что балтская гидронимия формировалась и откладывалась в Поднепровье и смежных областях весьма длительное время, начиная со II тысячелетия до н. э. вплоть до славянского расселения во второй половине I тысячелетия н. э. В это время происходили неоднократные, более или менее значительные перемещения различных балтских племен, что не могло не привести к некоторой чересполосице в распределении однотипных водных названий балтского происхождения. Безусловно, картина расселения балтских племен, как она рисуется только на материалах начала железного века, не отражает всей сложности расселения и миграционных процессов балтов Поднепровья на протяжении двух с половиной тысяч лет.

Поэтому основным источником изучения истории днепровских балтов пока служат материалы археологии. Днепровскими балтами следует называть далеко не все балтоязычное население, обитавшее длительное время в бассейне Днепра. Днепровские балты — группа родственных племен, которые известны нам по древностям раннего железного века, относящимся к весьма близким между собой днепро-двинской, юхновской и верхнеокской культурам (рис. 1).

Ареал днепро-двинской культуры охватывает Смоленское Поднепровье и полоцко-витебскую часть бассейна Западной Двины [2, с. 25–30; 4, с. 213–224]. Начало этой культуры определяется VII в. до н. э. Основным типом поселения были городища площадью от 0,3 до 3 тыс. м², устроенные на речных мысах или холмах-останцах. Искусственные оборонительные сооружения на них создаются в основном около середины I тысячелетия до н. э. Жизнь на городищах продолжалась до III–IV вв. н. э., когда их обитатели, по-видимому, в связи с возросшей ролью земледелия, стали постепенно переходить на открытые поселения.